

Чеботарев Владимир Владимирович

ТЕРРОРИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ВЫРАБОТКИ ОБЩЕПРИЗНАННОГО ПОНЯТИЯ

В статье рассматривается научная проблема, связанная с определением понятия "терроризм". На примере анализа мнений ряда исследователей относительно возможности создания общепризнанного определения терроризма показывается сложность данного процесса. Как наиболее продуктивный выделяется путь уяснения содержания терроризма через наиболее существенные составляющие его элементы, какими, по мнению автора, являются: применение крайних форм насилия, устрашение, политическая мотивация, публичность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. I. С. 199-203. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**SYMBOLIC ANTHROPOLOGY AS UNITING CORE OF C. GEERTZ
AND V. TURNER'S METHODOLOGICAL PRACTICES****Kholokh Elena Ivanovna***Kiev National University named after T. G. Shevchenko, Ukraine
kholokh.lena@yandex.ua*

The author studies C. Geertz and V. Turner's anthropological conceptions, and reveals their theoretical-methodological approaches, which are notable for the holistic comprehension of the man. Both conceptions have a synthetic character, which allows combining the whole spectrum of human existence modes in a single analysis system. Synthetic nature is conditioned by understanding man through the role of symbols in his life, where the symbol determines the extremely broad understanding of the human world. The author substantiates the proposition that both anthropological conceptions, of C. Geertz and V. Turner, refer to symbolic anthropology, since its core – the symbolic conception of the man – is common for them.

Key words and phrases: symbolic anthropology; symbolic function; C. Geertz; V. Turner; hermeneutic method; structural method.

УДК 101.1:316.485.26

Философские науки

В статье рассматривается научная проблема, связанная с определением понятия «терроризм». На примере анализа мнений ряда исследователей относительно возможности создания общепризнанного определения терроризма показывается сложность данного процесса. Как наиболее продуктивный выделяется путь уяснения содержания терроризма через наиболее существенные составляющие его элементы, какими, по мнению автора, являются: применение крайних форм насилия, устрашение, политическая мотивация, публичность.

Ключевые слова и фразы: террор; терроризм; определение терроризма; научное познание; террология.

Чеботарев Владимир Владимирович*Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск
chebotarev62@mail.ru***ТЕРРОРИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ВЫРАБОТКИ ОБЩЕПРИЗНАННОГО ПОНЯТИЯ[©]**

На рубеже тысячелетий терроризм окончательно превратился в глобальную угрозу для нормального существования действующего мироустройства. Он стал неотъемлемым атрибутом XXI века. Это грозное явление настоятельно требует от мирового сообщества поиска новых эффективных методов противодействия. Будучи глобальным вызовом человечеству, терроризм расшатывает основы существования государств, приводит к смене правительств и наносит мощный, в первую очередь психологический, удар по населению. Шумные пропагандистские кампании, связанные с объявлением войны мировому терроризму, зачастую оказывают негативное воздействие на обывателя не меньше, чем сами террористические акты. Своеобразную точку зрения на данную проблему обозначил доктор философии, сотрудник Центра современной мысли Университета Абердина (Великобритания) Петер Боянич (Peter Bojanic): «Умножение или “взрыв” текстов о терроризме, которые всегда заново пытаются определить терроризм, будучи последствием страха перед терроризмом (“страх перед страхом”), есть “террор” самого терроризма» [2, с. 119].

Слово «терроризм» стало одним из самых популярных в лексиконе политиков начала XXI века. Слово это сильное, страшное, вызывающее в сознании самые мрачные ассоциации. Но при этом понятие «терроризм» остается двусмысленным, туманным, удобным для манипуляций [7, с. 3].

Ученые, изучающие терроризм, в своих исследованиях наталкиваются на существенные трудности, связанные с многоликостью этого феномена, амбивалентностью оценок, спецификой воздействия на социум и определенной латентностью его проявлений. Указанные обстоятельства в результате приводят к недостаточной научной проработке терроризма как целостного общественно-политического явления. Противодействие такому деструктивному по своей сути явлению, каким является терроризм, может быть эффективно лишь в том случае, если оно будет опираться на прочные научные знания этого разрушительного феномена. Все сказанное полностью относится и к определению дефиниции терроризма. Казалось бы, вопрос установления дефиниции какого-либо явления является в большей степени научным, чем практическим. Однако в случае с терроризмом все совсем не так просто. Теория и практика современной контртеррористической борьбы убедительно показывают, что «для выработки всеобъемлющей государственной стратегии... противодействия терроризму... необходимо определение сферы действия соответствующей стратегии и понятийного аппарата, неотъемлемой частью которых является дефиниция понятия “терроризм”» [21, с. 6].

Вопрос выработки определения терроризма справедливо считается одним из наиболее сложных во всем комплексе проблем, связанных с изучением данного феномена. В результате множества проведенных исследований «в настоящее время в научных работах и национальных законодательствах имеется около 400 определений понятий терроризма» [15, с. 336]. Однако ни одно из них так и не стало общепринятым в мировом научном сообществе.

В связи с тем, что терроризм проявляет себя весьма динамично, постоянно изменяясь, приобретая все новые и новые черты и характеристики (наступательность, высокая техническая оснащенность, изошренность и жестокость и т.д.), это не позволяет дать его универсальное определение. Попытки детально перечислять все деяния, которые следует относить к террористическим, на наш взгляд, заранее обречены на провал. В стремлении исследователей выработать свое, наконец-то верное, аналитическое определение терроризма все «попытки завершаются лишь тем, что количество дефиниций терроризма становится на единицу больше» [1, с. 45]. Политики, журналисты и писатели, в свою очередь, выбирают из этого множества определений то, что отвечает их собственным взглядам и убеждениям. Таким образом, каждый исследователь, который «предпринимает попытку изучения терроризма, убеждается, что имеется почти столько же его определений, сколько мнений на этот счет» [23].

Мнения исследователей расходятся: одни считают, что дать общую дефиницию терроризма невозможно; другие, наоборот, уверены в возможности выработки универсального определения терроризма. Вместе с тем, несмотря на то, что «феномен терроризма не поддается однозначным определениям», эта «тема имеет свой исследовательский, теоретический интерес... она также имеет и важный практический аспект» [20, с. 16].

К трудностям, препятствующим исследователям, в первую очередь, следует отнести то обстоятельство, что терроризм как сложное явление изучается ими в различных аспектах – философском, социологическом, политологическом, правовом и психологическом. При этом каждый ученый, естественно, стремится рассматривать суть исследуемого явления со своей, наиболее близкой ему, научной точки зрения, давая понятию «терроризм» собственную интерпретацию. К этому следует добавить, что специалисты разных областей науки, изучая терроризм, в своих работах используют специализированный (профессиональный) язык. В результате все это приводит к некоторому взаимному недопониманию. Канадский философ Дж. Сол (John Saul), рассматривая проблему необдуманного использования в современной науке специализированной терминологии, отмечает, что специалисты могут легко защитить свою территорию разработкой специализированного языка, непонятного неспециалистам. Это, по мнению автора, приводит к тому, что, например, «политологам и социологам все труднее понимать друг друга, даже когда они обсуждают один и тот же вопрос. Сомнительно, что политология и социология существуют сами по себе. Вдвойне сомнительно, что каждая из этих наук обладает реальным предметом исследований» [17, с. 689].

Британский философ австрийского происхождения Карл Поппер (Karl Popper), изучая проблемы научного познания, отмечал, что все научные описания фактов в значительной степени избирательны, или селективны, они всегда зависят от соответствующих теорий. Эту ситуацию, по мнению ученого, лучше всего можно описать, сравнивая науку с прожектором: что высветит прожектор – зависит от его расположения, от того, куда мы его направляем, от его яркости, цвета и т.д., хотя то, что мы увидим, в значительной степени зависит и от вещей, которые он освещает. Аналогично научное описание существенно зависит от нашей точки зрения, наших интересов, связанных, как правило, с теорией или гипотезой, которые мы хотим проверить, но оно также зависит и от описываемых фактов [14, с. 300].

Анализ существующих определений данного феномена, выработанных отечественными и зарубежными специалистами, позволяет сделать вывод, что все они, к сожалению, несмотря на оригинальность некоторых из них, не являются универсальными и не отражают основных характеристик современного терроризма. Недостаточность той или иной дефиниции терроризма детерминирована не столько ее содержанием, поскольку оно имеет произвольный характер, сколько субъективной позицией самого исследователя, определяющего данное понятие. Именно поэтому в результате исследований вместо теоретического понятия терроризма мы всегда имеем лишь множество субъективных представлений в статусе понятия.

В чем единственном сходятся авторы многочисленных исследований, так это в том, что дать четкое и исчерпывающее определение терроризма чрезвычайно сложно. Действительно, в силу своей субъективной потребности каждый исследователь формулирует, а затем и обосновывает фактически *свое* понимание терроризма. Н. Н. Рыбалкин заметил: «Поскольку основанием для определения понятия является потребность субъекта в этом понятии, постольку это представление определяется не объективной сущностью феномена, а конкретной субъективной потребностью, которая конструирует субъективную дефиницию, приписывая затем ей статус понятия» [16, с. 33].

Почти все без исключения исследователи высказывают прямо противоположные мнения о самой возможности выработки единого определения. Отдельные специалисты в ходе своих исследований приходят к выводу, что ввиду многоаспектности такого сложного социально-политического явления, какое из себя представляет терроризм, создание полностью тождественной его содержанию дефиниции вообще невозможно. Например, свой пессимистический взгляд на перспективу выяснения сущности терроризма высказал один из наиболее авторитетных западных исследователей данного явления – Уолтер Лакер (Walter Laqueur): «Общее определение никогда не будет найдено по той простой причине, что существует не одна, а множество форм терроризма, которые значительно отличаются друг от друга в зависимости от времени и пространства, а также по мотивации, проявлениям и целям» [24, р. 20].

Ряд исследователей, в свою очередь, полагает, что выработать общую дефиницию терроризма вполне возможно. В. Б. Петухов считает, что «отрицание самой возможности выработки общего и единого определения терроризма в корне ошибочно... вопрос заключается лишь в том, насколько последовательно и точно термин применяется к явлению и что становится главным критерием для определения сущности понятия» [13, с. 10].

Отечественные исследователи В. В. Витюк и С. А. Эфирова в 80-х годах XX века пришли к выводу, что найти общее определение терроризма возможно. Для этого, по их мнению, следует соблюсти несколько элементарных логических условий:

- во-первых, нужно четко различать употребление понятия «терроризм» в прямом и переносном смысле;
- во-вторых, необходимо отличать терроризм от других «форм и методов вооруженного насилия, террористический характер которых сам по себе не доказан»;
- в-третьих, «определение терроризма должно быть принципиально полным», включая признаки, объединяющие его с другими формами насильственных действий, но главное – те «специфические характеристики, которые отделяют террористическое насилие от не террористического»;
- в-четвертых, «надо учитывать, что действия, составляющие специфику именно терроризма, в рамках других форм вооруженного насилия носят частный или вспомогательный характер» [6, с. 222-223].

Психолог В. А. Соснин, рассматривая терроризм как социокультурный и социально-психологический феномен, выделяет следующие проблемы, связанные с определением терроризма:

- а) исторические изменения в самом определении феномена;
- б) в СМИ и у представителей различных государств нет согласия в использовании термина;
- в) множество определений, которыми пользуются представители разных ведомств даже внутри одной страны;
- г) противоречия в определении явления на международном уровне [18, с. 32].

По мнению российских исследователей А. Васильева и В. Гарева, поиски согласованного определения терроризма обычно наталкиваются на две проблемы. Первая из них связана с доводом о том, что определение терроризма должно обязательно допускать применение государствами вооруженных сил против мирного населения. Вторая проблема обусловлена тем, что народы, находящиеся под иностранной оккупацией, имеют право на сопротивление и что определение терроризма не должно умалять это право. Такой подход, по мнению указанных исследователей, делает невозможной квалификацию насильственных действий против представителей власти, вооруженных представителей силовых структур. «Получается, что с точки зрения международного права насильственные действия против оккупационных войск на оккупированных территориях – легитимны, а против мирных поселенцев на захваченной земле – нелегитимны и представляют собой акты терроризма» [4, с. 32].

Г. В. Овчинникова в работе «Терроризм» отмечает, что главным фактором, затрудняющим единый подход к определению терроризма и его юридическому оформлению и, таким образом, затрудняющим выработку согласованных международных мер по борьбе с ним, является крайняя политизированность оценок [11, с. 7].

По мнению Г. И. Морозова, процесс выработки единого общепринятого определения затрудняют субъективные факторы: нежелание некоторых государств связывать себя твердой формулой, способной создать препятствия для их скрытой от мира и собственного народа связи с террористической деятельностью [10, с. 43]. Это приводит к тому, что отдельные исследователи предлагают расширительные трактовки терроризма, которые приводят к его оправданию. Так, М. И. Кротов отмечает: «Некоторые авторы, ссылаясь на действия войск США и НАТО в Ираке и Афганистане, где имеют место факты массового нарушения прав мирных граждан, даже определяют терроризм как ответную меру пострадавшего населения развивающихся стран на террор властей однополярного мира» [8, с. 244].

Таким образом, исследователи в поисках определения терроризма сталкиваются на своем пути с множеством проблем, которые препятствуют достижению конечного результата, нахождению искомой «истинной» дефиниции. В связи с чем возникает вопрос: может быть, следует прекратить бесполезные поиски «истины», признать «поражение», осознать, что определение терроризма вообще невозможно или не нужно и нет нужды больше тратить время на «бессмысленные» исследования? Отнюдь нет. Мы полагаем, что исчерпывающее определение понятия терроризма необходимо, ведь «теоретическая неопределенность порождает практическую непоследовательность» [9, с. 11].

Т. С. Бояр-Созонович, отмечая исключительную сложность и пессимизм отдельных исследователей, считает, что «усилия, направленные на выработку общеприемлемого аппарата исследования проблемы терроризма, оправданны, поскольку помимо облегчения чисто исследовательской работы они способствовали бы достижению единого подхода и к проблеме борьбы с терроризмом, что является необходимым условием успеха в деле искоренения терроризма из жизни мирового сообщества» [3, с. 27].

По нашему мнению, существование большого количества дефиниций терроризма еще не доказывает, что то или иное определение полностью раскрывает или не раскрывает сущности данного феномена. Вполне возможно, что среди всего этого множества находится и истинное понимание, которое, быть может, заслоняется именно множественностью дефиниций. Для выделения сущностного понимания феномена из всего многообразия существующих представлений необходимо ввести критерий, позволяющий это сделать [16, с. 18].

Как уже отмечалось выше, терроризм – явление изменчивое, динамично развивающееся. Ввиду его многоаспектности, некоторые исследователи считают, что создание полностью тождественной его содержанию дефиниции крайне сложно. В. Е. Петрищев, разделяя данную точку зрения, обосновывает ее следующим образом: «Во-первых, слишком разнятся, слишком политизированы и идеологизированы подходы к оценкам террористических проявлений. Во-вторых, вряд ли можно втиснуть в прокрустово ложе единого определения

весь широчайший спектр террористических проявлений, тем более что формы и тактика последних постоянно трансформируются, видоизменяются» [12, с. 59].

Исследователи, приходя к выводу, что определение понятия терроризма весьма проблематично, предлагают свои пути решения этой, казалось бы, неразрешимой проблемы. При этом наиболее перспективным направлением представляется уяснение содержания терроризма через наиболее существенные составляющие его элементы. Предлагается путь выделения наиболее существенных характеристик во всех используемых определениях термина «терроризм».

Американский аналитик Брюс Хоффман (Bruce Hoffman) считает, что если найти определение терроризма невозможно, то, по крайней мере, можно «успешно отделить его от прочих видов насилия и выделить характерные особенности» [22, с. 41].

По мнению Е. А. Степановой, к решению проблемы определения терроризма можно подойти, «во-первых, наметив тот набор критериев терроризма как определенной тактики, связанной с насилием, который, возможно, и не будет претендовать на охват абсолютно всех существующих и будущих модификаций терроризма, но поможет отличить терроризм от других видов насилия, с которыми его чаще всего путают. Во-вторых, следует изначально исходить из того, что существуют различные виды и типологии терроризма, которые могут по-разному проявляться в конкретных национальных, социально-политических и социокультурных контекстах» [19, с. 23].

В имеющейся научной литературе неизменно встречаются общие признаки, компоненты, комплекс которых, по нашему мнению, способен дать достаточно объективное представление о терроризме как социально-политическом феномене. Так, американский исследователь Алекс Шмид (Alex Schmid), проанализировав более 100 определений слова «терроризм», выяснил, что в большинстве случаев они включают следующие дефиниционные элементы: «насилие, применение силы» (83,5%); «политический» (65%); «подчеркнутый страх, террор» (51%); «угроза» (47%). Меньше всего упоминаются: «повторяемость, серийный или наступательный характер насилия» (7%), «преступник» (6%), «предъявление требований к третьим сторонам» (4%) [22, с. 42].

Российский исследователь Ю. В. Ващенко провел анализ ряда работ, изданных в США, Великобритании и некоторых других странах Запада, и обнаружил согласие большинства авторов в отношении следующих ключевых признаков терроризма:

- 1) терроризм заключается в использовании крайних форм насилия или в угрозе таким насилием;
- 2) цели террористического акта выходят за пределы причиняемого им разрушения, причинения телесных повреждений, смерти;
- 3) цели террористического акта достигаются путем психологического воздействия на лиц, не являющихся непосредственными жертвами насилия;
- 4) жертвы терроризма избираются больше по их символическому, нежели действительному значению [5, с. 644].

Таким образом, на основе анализа приведенных и иных существующих определений терроризма, можно выделить следующие признаки, которые, по нашему мнению, отличают его от иных форм насилия:

- наличие определенных политических целей;
- применение (угроза применения) крайних форм насилия и, как следствие, повышенная общественная опасность;
- устрашение, которое, как правило, сопровождает насилие и направлено на полную или частичную психологическую деморализацию объекта воздействия;
- публичность, заинтересованность в широкой публичной огласке;
- неопределенный круг непосредственных объектов террористического акта, применение насилия в отношении неопределенного круга лиц (как правило, мирного, невооруженного населения) ради достижения отдаленной цели – удовлетворения политического (экономического, социального и т.п.) требования.

Несомненно, данный перечень не претендует на завершенность и всеобъемлемость, но, на наш взгляд, имеет определенное методологическое значение для понимания феномена современного терроризма и смыслового отграничения его от иных насильственных посягательств на конституционный строй, других противозаконных, насильственных антисоциальных явлений.

Нам представляется, что в процессе дальнейших исследований терроризма следует шире использовать всю совокупность методологических принципов диалектики, феноменологии, системного, деятельного и других подходов. Такой комплексный подход позволит нам приблизиться к пониманию сущности терроризма. Кроме того, назрела необходимость в институционализации в России науки о терроризме – террологии (иначе – террорологии, террорографии). Террология как отрасль социальной философии будет не только исследовать теоретические проблемы, связанные с проявлениями терроризма, но и предлагать оптимальные практические пути их решения.

Список литературы

1. Бахтин С. И., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Террор – антитеррор: сибирское измерение. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2006. 204 с.
2. Боянич П. Терроризм: террор и взрыв // ХОРА. 2009. № 3/4. С. 119-132.
3. Бояр-Созонович Т. С. Международные терроризм: политико-правовые аспекты. Киев - Одесса: Лыбидь, 1991. 164 с.
4. Васильев А., Гарев В. Исторические корни терроризма // Азия и Африка сегодня. 2008. № 4. С. 32-39.
5. Ващенко Ю. В. Преступность террористической направленности // Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. Изд-е 2-е. М.: Норма, 2003. С. 640-658.

6. Витюк В. В., Эфирова С. А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М.: Наука, 1987. 320 с.
7. Кагарлицкий Б. Ю. Анатомия террора // Свободная мысль – XXI. 2005. № 4. С. 3-11.
8. Кротов М. И. Политико-экономические проблемы модернизации: опыт России и СНГ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 292 с.
9. Малышева Е. Н. Феномен современного терроризма: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... к. филос. н. Красноярск, 2011. 23 с.
10. Морозов Г. И. Терроризм – преступление против человечества (международный терроризм и международные отношения). М.: ИМЭМО РАН, 2001. 161 с.
11. Овчинникова Г. В. Терроризм / науч. ред. Б. Ф. Волженкин. СПб.: Юридический институт Генеральной прокуратуры, 1998. 36 с.
12. Петришев В. Е. Заметки о терроризме. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.
13. Петухов В. Б. Терроризм как социокультурное явление: учебное пособие к спецкурсу по культурологии. Ульяновск: Изд-во УлГТУ, 2006. 110 с.
14. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2-х т. / пер. с англ.; под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. 528 с.
15. Природа этнорелигиозного терроризма / под ред. Ю. М. Антонына. М.: Аспект-Пресс, 2008. 365 с.
16. Рыбалкин Н. Н. Философия безопасности. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 296 с.
17. Сол Дж. Ублюдки Вольтера: диктатура разума на Западе / пер. с англ. А. Н. Сайдашева. М.: АСТ; Астрель, 2007. 895 с.
18. Соснин В. А. Психология современного терроризма: учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2010. 160 с.
19. Степанова Е. А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 7. С. 23-32.
20. Терроризм в современном мире: опыт междисциплинарного анализа: материалы круглого стола // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 3-36.
21. Устинов В. В. Россия: 10 лет борьбы с международным терроризмом. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 544 с.
22. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри / пер. с англ. Е. Сажина. М.: Ультра. Культура, 2003. 264 с.
23. Эпштейн В. А. Терроризм: проблема определения понятия [Электронный ресурс]. URL: [http://old.tisbi.org/science/vestnik/2001/issue2/vest2_6\[1\].html](http://old.tisbi.org/science/vestnik/2001/issue2/vest2_6[1].html) (дата обращения: 27.01.2013).
24. Laqueur W. Terrorism: a Brief History // eJournal USA. 2007. № 5. P. 20-23.

TERRORISM: PROBLEMS OF UNIVERSALLY RECOGNIZED NOTION DEVELOPMENT

Chebotarev Vladimir Vladimirovich

*Siberian State University of Communication Lines in Novosibirsk
chebotarev62@mail.ru*

The author considers a scientific problem related to the definition of the notion “terrorism”, by the example of the analysis of some researchers’ views on the possibility of creating a universally recognized definition of terrorism shows the complexity of this process; reveals as the most productive the way of understanding the content of terrorism through its most essential parts, and mentions among them the following ones: the application of the extreme forms of violence, intimidation, political motivation, and publicity.

Key words and phrases: terror; terrorism; definition of terrorism; scientific cognition; terrology.

УДК 94(624)

Исторические науки и археология

В статье анализируется соотношение внутренних и внешних факторов в процессе «исламизации» в Судане в 1970–1980-е гг. – поэтапной трансформации Судана из светского государства в «исламское». Процесс «исламизации» в Судане рассматривается как часть более широкого тренда на усиление роли исламского фактора в политической жизни стран Ближнего Востока и Северной Африки в этот период. Анализируется также влияние на процесс «исламизации» в стране исламской банковской системы и благотворительных организаций.

Ключевые слова и фразы: Судан; политический ислам; исламизм; шариат; «Братья-мусульмане»; ат-Тураби; исламские банки; исламская благотворительность.

Шихов Юрий Николаевич

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
yur1603@yandex.ru*

ПРОЦЕСС «ИСЛАМИЗАЦИИ» В СУДАНЕ В 1970–1980-Е ГГ.: РОЛЬ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ[©]

Состоявшийся в Судане в 2011 г. референдум о самоопределении юга страны и последующее провозглашение Южным Суданом независимости вновь, далеко не в первый раз за последние годы, привлекли